

Взгляды, которыми его провожали прохожие, жгли Чжэн Хуа изнутри. Он всегда был натурой чуткой и прекрасно понимал: похвала за отличную учёбу — единственный способ заслужить любовь родителей и благосклонность соседей. Ради этого он готов был расшибиться в лепёшку, и то, что теперь даже старший брат в глазах отца отошёл на второй план, наполняло его сердце гордостью.

— Тётушка, на что вы так смотрите? — не выдержал Чжэн Хуа, обратившись к соседке, которая обычно была к нему добрее всех.

В глазах женщины читалось искреннее сострадание. Дети ведь не вольны выбирать, в чьём чреве им суждено зародиться, а расплачиваться за грехи родителей приходится именно им.

— Иди скорее домой, сынок, — вздохнула она, отведя взгляд. — У вас там беда стряслась. Ох...

Она так и не нашла в себе сил сказать больше. Юноша, никогда прежде не видевший в глазах людей жалости — лишь восхищение и зависть, — крепче перехватил лямки портфеля и со всех ног бросился к дому.

Внутри царил хаос. Обычно в это время мать хлопотала над ужином, подкладывая ему лучшие кусочки фруктов или заваривая чашку солодового молока. Отец и вовсе возвращался гораздо позже. Но сейчас и Старина Чжэн, и Чжэн Лаода были дома, а в углу надрывно плакали племянники.

— Мама, папа... что случилось?

Чжэн Лаода при виде младшего брата лишь сильнее нахмурился. Не будь этого мальчишки, не случилось бы и сегодняшнего позора. Когда он возвращался с работы, его бесцеремонно перехватили соседи и с ехидными ухмылками принялись расспрашивать, знает ли он правду о происхождении своего «братца».

— Что случилось? — прошипел Чжэн Лаода. — Да то, что из-за тебя, пакостник, нам теперь в глаза людям стыдно смотреть! Ты — нагулянный бастард, плод прелюбодеяния! Понимаешь ты это? Мать твоя ещё от прошлого мужа уйти не успела, а уже с нашим отцом кувыркалась! Теперь об этом все знают! Как нам здесь дальше жить?!

Договорить он не успел — Отец Чжэн в ярости влепил сыну звонкую пощёчину. Тот замер, ошарашенный, а его жена, хоть и содрогнулась от жалости к мужу, не посмела вставить ни слова. Весь дом держался на деньгах и авторитете отца, и перечить ему было опасно.

Шэнь Хуэйцзюань, пришедшая в себя незадолго до этого, слушала обвинения пасынка и лишь беззвучно заходила в рыданиях.

— Вон! — взревел Чжэн Дали. — В этом доме всё ещё я хозяин! Если ты в грош не ставишь брата, значит, и отца ни во что не ставишь? Тогда убирайся к чертям! Нечего жрать и пить за мой счёт!

Жена Чжэн Лаода, почуяв неладное, поспешно оттащила мужа назад и заискивающе заулыбалась:

— Папа, не сердитесь, он просто сторяча наговорил лишнего, совсем голову потерял. Не принимайте близко к сердцу.

Их семья из четырёх человек полностью зависела от Чжэн Дали. Шэнь Хуэйцзюань помогала с детьми и хозяйством, жизнь их была вполне комфортной. Но главное — у Старины Чжэна было припрятано немало ценностей. Если их сейчас вышвырнут, всё это имущество достанется сыну.

Сам же юноша застыл, раздавленный словом «бастард». Он был сообразительным мальчиком и в глубине души уже давно догадывался о тайне своего рождения, но пока правда оставалась невысказанной, он предпочитал играть роль любимого сына. Теперь же, когда маски были сорваны, он понимал, какой удар нанесён по его будущему. Сегодняшние взгляды соседей были лишь началом.

— Ох, Старина Чжэн, что же нам делать? — причитала Шэнь Хуэйцзюань, чьи глаза опухли и стали похожи на красные грецкие орехи.

— А что толку плакать? — огрызнулся на неё муж. Он злился на жену за то, что она позволила Цзи Чанлиню так легко себя запугать. Какие-то группы крови... Он о таком и слыхом не слыхивал. — А ну, иди умойся и готовь ужин! Сяо Хуа вернулся, да и всем остальным силы нужны. На сытый желудок и будем думать.

Шэнь Хуэйцзюань пришлось вытереть слёзы и отправиться к плите. Она всей душой надеялась, что её Чжэн что-нибудь придумает. В её глазах он, хоть и не обладал образованностью Цзи Чанлиня, был куда способнее и мужественнее профессора. Любое дело спорилось в его руках, и она верила, что и в этот раз он найдёт выход.

После ужина в доме воцарилась гнетущая тишина. Под тяжёлым взглядом Старины Чжэна никто не смел затевать ссору, но былой лёгкости и след простыл.

Чжэн Дали ушёл из дома. Ещё днём, как только разразился скандал, он послал людей разузнать о Цзи Чанлине — как это он умудрился вернуться в столицу живым и невредимым? Вечером он отправился разузнать результаты.

Новости заставили его сердце пропустить удар. Цзи Чанлинь не просто вернулся — он был полностью реабилитирован и восстановлен в должности профессора в своём университете. Положение его снова стало прочным и почётным. Но самое страшное было в другом: тот самый Цзи Юаньцин, которого они с таким трудом выжили из дома и отправили в глушь, не просто

воссоединился с отцом — он с блеском сдал экзамены и поступил в Пекинский медицинский университет.

Чжэн Дали и Шэнь Хуэйцзюань и понятия об этом не имели. Выходило, что Юаньцзин окончательно отвернулся от матери, раз за полгода пребывания в Пекине ни разу не подал о себе вести и не пришёл проведать.

Статус студента-медика заставил Старину Чжэна невольно нахмуриться. Значит, разговоры про группу крови — не пустой звук?

В своё время он сделал всё, чтобы в деревню уехал именно пасынок, а не его собственный старший сын. Он хотел избавиться от этого «маленького ублюдка», но никак не ожидал, что тот вернётся таким победителем.

Впервые в жизни Чжэн Дали ощутил настоящий страх. Он поспешил домой и, закрывшись в спальне, передал всё Шэнь Хуэйцзюань. Женщина, выслушав его, едва не лишилась чувств во второй раз.

Она снова горько зарыдала. Ей было больно, что родной сын, вернувшись в столицу, даже не вспомнил о ней. Она могла пренебрегать им ради младших детей, но осознание того, что Юаньцзин окончательно вычеркнул её из своей жизни, было невыносимым.

<http://bllate.org/book/15835/1438939>